

радикалов, коррумпированных чиновников, стремящихся к прибыли игроков на биржах и правовых нигилистов заворожено смотреть на политических вождей и понимать, что надо бросать деструктивные действия и идти за ними, как крысы идут за дудочкой...

Нет. Идущую «войну всех против всех» может закончить только мир. А миры подготавливают поэты и мыслители. Ни политика, ни экономика, ни наука и техника не способны спасти мир, катящийся в пропасть. Ницше говорил, что миром все становится только «вокруг Бога». О «Последнем Боге», который «только и может нас спасти», говорил в своих завещательных текстах и последний великий философ Запада М. Хайдеггер. Что может означать на практике для политиков необходимость готовиться к встрече с Последним Богом? Только ли принятие во внимание возможности Страшного Суда при осуществлении политических решений? Нет. Это хоть и не помешает, но вряд ли сумеет как-то стать примером для свободных радикалов и восстановить уже расколотый мир. Новый мир явится, если Бог явит себя всем и каждому. Но возможно, что для того, чтобы Он явил себя, требуется место Его явления, человечество должно быть готово его увидеть. М. Хайдеггер: «Последний Бог это не конец, а другое начало неизмеримых возможностей нашей истории. Ради него прежняя история может не кончаться, а должна быть приведена к своему концу. Мы должны прояснение ее сущностных основопозиций поместить (hineinschaffen) в переход и готовность.... Последний Бог это начало самой долгой истории в ее самом прямом пути. Длительная подготовка

нужна для великого мгновения его мимо-прохождения. И для подготовки его народы и государства слишком ограничены (zu klein), т.е. они уже слишком оторваны от всякого роста и слишком уж (nur noch) подвержены (ausgeliefert) махинации...». В этом греческом слове «махинация» звучит и «манипуляция», и «мошенничество», и «машина», и «механика». Хайдеггер, как всегда избрал многоговорящий корень и феномен, который он имеет в виду, нуждается в пояснении. Подготовка к встрече с Последним Богом есть подготовка пространства, пространство создается неким «Между». «Между» есть как пан или пропал, как две стороны острого лезвия. Подобно тому, как героем можно стать только в случае реальной опасности (при гарантированном спасении и победе о героизме говорить не приходится), так же и поймать намек, указующий взмах последнего Бога можно только в условиях риска его пропустить, только на фоне возможности отказа в Боге. Тот, кто хочет гарантий, не получает ничего, кто хочет великого - должен рисковать, подвергаясь риску проиграть. Великое не было бы великим, если бы давалось просто и с гарантией. Губительно пытаться идти по проторенным путям, подражать кому-то или самому себе, боясь сделать неправильно, искать своего и мошенничать, трусить и перестраховываться, искать гарантий и выгадывать, превращать управление в «машину», в подобие «механизма».

Введение себя в риск навстречу событию, щедрое раздаривание и мужественная решимость идти в неизвестность, за «поворот»... вот что дарит надежду.

В. С. Мартьянов

ОСОБЕННОСТИ ЦИТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Мартьянов
Виктор Сергеевич

кандидат философских наук,
доцент, старший научный
сотрудник Института
философии и права УрОРАН

В условиях отказа от жесткой идеологической детерминации общественных наук советского периода поначалу казалось, что они могут существовать в условиях автономии от власти. Когда конкуренция идей, публичные дискуссии создают независимость научного кода истины от давления кода власти. Однако период эпистемологического анархизма постсоветского обществознания оказался недолгим. В условиях свертывания публичной политики и открытой политической борьбы политической режим стал проявлять все большую заинтересованность в своей легитимации научными кодами. Далее мы рассмотрим один из способов легитимации политического режима и приобретения символического капитала, связанного с попыткой власти опереться на научные и духовные авторитеты путем их

цитирования. Знание о том, кого «в свою пользу» цитирует власть, позволяет увидеть -какие идеологические концепции политический истеблишмент считает идейно близкими. На кого из исторических и современных деятелей опирается новейший российский политический режим, легитимируя свои основы. В ходе анализа мы сознательно абстрагировались от скрытых цитат и отсылок, принимая во внимание лишь упоминания мыслей, идей, концепций одновременно с их авторами.

Послания Президентов России

Одним из ключевых элементов текстовой базы данной статьи явились ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию России. Следует отметить, что послания Президента РФ Б.Ельцина 1994-1999 годов содержат лишь две явные ссылки на авторитет известных интеллектуалов, призванных придать дополнительный вес словам главы государства. В послании-1996 это Петр Столыпин: «Настоящая свобода, по меткому замечанию П.А. Столыпина, «слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма»». Последнее послание-1999 Б.Ельцина, озаглавленное как «Россия на рубеже эпох», при всех своих обобщениях и пафосе содержит лишь одно явное упоминание «мыслей великих». Это ссылка на А.И. Солженицына: «Не стоит выдумывать абстрактные национальные идеи. Реальной национальной задачей становится, как это точно выразил А.И. Солженицын, «сбережение» народа».

Почти дословно эта ссылка содержится и в послании-2006 Владимира Путина.

Представляется, что ключевой причиной отсутствия ссылок и цитат в посланиях Бориса Ельцина является интеллектуальное банкротство всей прежней системы советского обществознания, ориентированного на научный коммунизм, исторический и диалектический материализм. Эта система утратила символический капитал вместе с тем строем, который она легитимировала. Соответственно обращение к постулатам «вчерашних теорий и авторитетов» являлось неуместным в ситуации формирования новой социальной реальности, опровергнувшей прежние авторитеты, теории и постулаты.

В частности в послании-1996, начинающемся изложением краткой версии Новейшей истории России, аргументируется неизбежность и закономерность краха «советской системы», которую не могли спасти ни перестройка, ни ускорение. На фоне грядущих судьбоносных выборов Президента России 1996 года, когда во второй тур вышли Борис Ельцин и лидер КПРФ Геннадий Зюганов, российское общество в результате шоковых реформ все сильнее охватывали ностальгические настроения по СССР. Реванш коммунистов казался реальным. Для дискредитации дискурса «советской реставрации» Б.Ельциным в послании-1996 приводятся следующие «факты» и документальные «цитаты», призванные напомнить «россиянам» о негативных сторонах жизни в СССР, о том, что возврат к прошлому невозможен:

«Уже после начала “ускорения”, 9 июля 1986 года, экономический отдел ЦК КПСС сообщал: “В июне с.г. участились случаи несвоевременной выплаты заработной платы рабочим и служащим... Сигналы о неблагоприятии положения с выплатой заработной платы поступили в экономический отдел ЦК КПСС с Украины, Молдавии, Латвии, Литвы, из многих областей РСФСР. Разрядить обстановку удалось за счет дополнительного выпуска денег в обращение”...»

«В феврале 1990 года секретарь Читинского обкома КПСС обращался к М.С. Горбачеву: “В этом году обеспечение потребностей области в мясе и молокопродуктах резко ухудшилось, на эти продукты ссуд не выделено, введена талонная система распределения. В январе с.г. на один талон отоваривается от 0,2 до 0,5 кг масла животного, 1 кг мяса. В дальнейшем для отоваривания и по таким нормам ресурсов нет. Объяснить сложившееся положение жителям городов, рабочих поселков, шахтерам, лесникам и металлургам становится невозможным”».

«Председатель Госбанка В.В. Геращенко в секретном письме М.С. Горбачеву жаловался на то, что, работая в три смены, Гознак просто не успевает печатать деньги»¹. И т.д., и т.п.

Послания Бориса Ельцина свидетельствуют, что переходный период 1990-х годов еще не дал отчетливых идеологических авторитетов, теорий и ориентиров для представителей власти, чувствовавших себя пионерами-первопроходцами, которое несут обществу новые и уникальные истины, не имеющие аналогов в российской истории. В политике, экономике, обществознании царил хаос и межвременье, какая-либо новая иерархия теорий и авторитетов просто отсутствовала.

Послания Президента РФ Владимира Путина 2000-2007 годов также не содержат ни системного идеологического кода, ни четкой системности в опоре на «классиков». Представляется, что в период СССР как «альтернативного Модерна» привычные идеологии отражали социально-политическую реальность Модерна как

индустриального общества, стратифицированного на реальные социальные классы и осмысляющего себя на языке классических идеологий и утопий. После краха СССР и биполярной системы в глобальном масштабе в потребительском обществе на смену группам интересов приходят группы населения. Привычные теории, идеологии, социальные группы и повседневность трансформируются. Соответственно растет эффективность риторики, связанной с технологиями софистического популизма, вместо его классической идеологической интеграции с позиций того или иного «классового интереса», претендующего на общезначимость.

Президент России Владимир Путин в посланиях оперирует не идеологиями, но более низким и «как бы» самоочевидным уровнем «здорового смысла». Из-за идеологической выхолощенности тексты посланий неизбежно превращаются в своего рода апологию «здорового смысла». При этом многие самоочевидности посланий вовсе не «очевидны», а наоборот, субъективны и контекстуальны. Подобная риторика оказалась весьма слабым средством к достижению главных целей посланий: а) объяснения фундаментальных целей существования российского общества - «для чего живем», «как жить будем»; б) для обеспечения легитимации нынешней элиты через общенациональные цели и ценности, внешние и внутренние угрозы существованию российской нации.

Таким образом, вся идеологическая архитектура посланий сводится к ситуативному прагматизму, выраженному в эконометрических референциях: удвоение ВВП, повышение зарплат, снижение инфляции и т.п.

Недостаток идеологии восполняется через апелляцию к немногочисленным и разрозненным авторитетам, на чьем символическом капитале зиждется искомый здравый смысл и прагматизм в современной российской политике. Однако может ли быть здравый смысл в классовом обществе быть отделен от интересов гегемона? И в чем заключается идеологическая сущность прагматизма, помимо его вторичности и контекстуальности, готовности менять политические приоритеты в зависимости от меняющихся обстоятельств? На этот закономерный вопрос за Президента России отчасти пытается ответить в своей статье министра иностранных дел РФ Сергей Лавров: «Приходится слышать и упреки в отсутствии идеологии, на что-де указывает заявленный нами внешнеполитический прагматизм. Но прагматизм - это не беспринципность. Просто мы идем от жизни, от реальных нужд страны и ее граждан. Россию вполне устраивает идеология здравого смысла»². Остается не понятно только одно: каких конкретно граждан России устраивает паллиатив «здорового смысла» вместо идеологий, и от имени какой России говорит Сергей Лавров, утверждая о ее конформизме относительно этого манипулятивного конструкта?

В посланиях Президента РФ Владимира Путина из восьми обращений к духовным авторитетам три ссылки приходятся на «идеологическое» послание-2005, когда глава государства впервые обращается к цитированию. Президент России в качестве близких по духу исторических альтер-эго упоминает общественных деятелей конца XIX - начала XX в.: Петра Столыпина, Ивана Ильина, Сергея Витте и Леонида Петражицкого. Симптоматично, что современная российская элита и «либеральная оппозиция» подчеркивают свою символическую историческую преемственность, черпая

позитивные образцы для сравнения именно во времена распада Российской империи накануне Октябрьской революции, в «последних временах». В 2006 г. президентом упомянуты сразу четверо «авторитетов»: Ф.-Д. Рузвельт, И.А. Ильин, Д.С. Лихачев, А.И. Солженицын. В 2007 г. в связи со 100-летним юбилеем и годом русского языка в послании-2007 был повторно процитирован Д.С. Лихачев. За весь период 2000-2007 гг. прижизненного цитирования Владимиром Путиным удостоился только один деятель советских времен - Александр Солженицын - с его «сбережением народа».

Послания Джорджа Буша-мл.

Весьма любопытным оказывается сопоставление принципов и подходов к цитированию в российской и американской традициях обращений президентов к народу. Эти принципы схожи в техническом выборе цитат, призванных подтвердить выводы и курс действующих президентов. Различие появляется в том, кого цитируют. Если российские президенты обращаются к известным духовным лидерам и интеллектуалам, то Джордж Буш в своих посланиях воспроизводит мифологию «голоса простого человека», которым говорит объективная политическая истина. Кроме того, для американского президента характерно полное игнорирование в своих посланиях не-американцев, которые цитируются лишь для их демонизации, как, например, в послании-2007:

«Послушайте, чем угрожал покойный террорист Заркави: “Мы прольем кровь и принесем в жертву себя для того, чтобы положить конец вашим мечтам, и что наступит, будет еще хуже”. А вот что заявлял Усама бин Ладен: “Смерть лучше, чем жизнь на этой земле среди неверных”»³

В качестве собственных авторитетов Джорджем Бушем упоминаются не только кабинетные интеллектуалы, а Президенты США и исторические лидеры нации, в том числе и представители противоположного Бушу демократического лагеря:⁴

«Американские лидеры - от Рузвельта и Трумана до Кеннеди и Рейгана - отвергли изоляцию и отступление, потому что они знали, что Америка всегда находится в большей безопасности, когда идет марш свободы»...

«Линкольн мог бы достичь мира ценой разъединения и сохранения рабства. Мартин Лютер Кинг мог бы остановиться в Бирмингеме или Сельме и довольствоваться лишь полупобедой над сегрегацией. США могли бы согласиться на постоянное разделение Европы и оказаться соучастником угнетения других народов. Сегодня, пройдя столь долгий путь в своем историческом развитии, мы должны решить, что нам делать - возвращаться назад или двигаться вперед и завершить начатое?»...

В посланиях Буша ощущается, прежде всего, традиция и дух религиозной, протестантской риторики, пронизанной глобальным мессианизмом богоизбранного американского народа. Здесь меньше российского византизма и изощренности, но больше религиозной прямолинейности. Это предельно примитивная популистская риторика, построенная по канонам телевизионных мыльных опер и адресованная напрямую американским массам, а не парламентариям и правительству. Вот, например, как незамысловато в риторике идеологического оправдания действий правящих элит, связанных с интервенцией США в Ирак, используются ссылки на «простого» человека:⁵

«Штаб-сержант морской пехоты Дэн Клей был убит в прошлом месяце в бою с противником в Фаллудже. Он оставил

письмо своей семье, но его слова точно так же могли быть адресованы каждому американцу. Вот что писал Дэн: “Я знаю, что такое честь. Честью было защищать и служить всем вам. Я сталкивался лицом к лицу со смертью, твердо зная, что вам это не грозит... Никаких колебаний! Твердо чтите и поддерживайте тех из нас, кому выпала честь защищать то, что стоит защищать”»...

Цитирование в программах российских политических партий

В контексте легитимирующих опор политического режима весьма интересным мог бы стать анализ программ ведущих российских партий, которые так и не смогли стать костяком российской политической системы, уступив данное место вертикали исполнительной власти. На предмет цитирований нами были изучены программные документы партий, как представленных в Госдуме РФ (2003-2007 гг.), так и имевших наибольшие шансы попасть в ее следующий состав (2007-2011 гг.) - «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Союз правых сил» (СПС).

В ходе анализа выяснилось, что в программные документы и материалах съездов партии «Единая Россия» не содержится ссылок на духовных авторитетов, представителей обществоведения и известных российских интеллектуалов. Повестка этих документов максимально приземлена и «оцифрована» всевозможными количественными показателями грядущих производственных успехов. Аналогична ситуация с программой «Справедливой России»⁶, состоящей из общепопулистских лозунгов и обещаний, но не обладающей какой-либо идеологической целостностью.

Программа КПРФ является единственной, где выстраивается внятная модернистская модель российской истории, не ограниченная сиюминутным «здесь и сейчас», и система идеологического объяснения происходящих в российском обществе социально-политических и экономических процессов. Ссылки на классиков у КПРФ достаточно предсказуемы:⁷

«Полный, по выражению В.И. Ленина, социализм мы определяем как свободное от эксплуатации человека человеком бесклассовое общество, распределяющее жизненные блага по количеству, качеству и результатам труда»...

Российская история полностью подтверждает взгляд на роль революций как локомотивов истории. Без крестьянских войн Разина и Пугачева, без восстания декабристов, деятельности Герцена и Чернышевского не пало бы крепостное право...

К правящей коммунистической партии, как и предупреждал В. И. Ленин, присасывается немало псевдоревольюционеров и безыдейных карьеристов...

При широкой поддержке партийных масс и общества в 1983 году Ю.В. Андропов начал перестройку управления народным хозяйством, демократизацию государственной и общественной жизни...

За предательство партии, за игнорирование национальных интересов, за разрушение нашего Отечества личную ответственность несут Горбачев и Яковлев, Ельцин и Шеварднадзе...»

В программе ЛДПР кратко и емко утверждается, что «В основу идеологии новой России надо положить труды замечательного русского религиозного философа - Ивана Александровича Ильина»⁸.

Наконец, СПС в своей партийной программе предполагает, что «Либерализм в России как умонастроение, как школа

политической мысли и практика важнейших государственных реформ, опирается на давнюю и достойную традицию. Идея правового государства присутствовала в замыслах и практике российских реформаторов девятнадцатого столетия - от Михаила Сперанского до Александра II.»⁹ И на этом, согласно позиции СПС, либеральные реформы в России закончились, а XX век видимо был для страны потерян.

Заключение

Анализ актуальных политических тестов и производимых в них ссылок на легитимирующие авторитеты позволяет сделать ряд обоснованных выводов. Актуальные российские обществоведы (они же в массе своей «бывшие советские») из-за отсутствия у них символического капитала внутри страны и вовне ее не цитируются властью в принципе. Региональные политики цитируют, как правило, лишь Президента РФ, пользуясь его популярностью для упрочения своей легитимации на местах, представляя при этом любую свою инициативу как реализацию «плана Путина».

Цитирование в текстах политических лидеров в целом носит бессистемный, ситуативный, контекстуальный характер. Политическими деятелями в качестве духовных лидеров упоминаются люди из разных исторических эпох и политических лагерей. В основном набор ссылок и цитат ограничен деятелями второй половины XIX - начала XX веков как чуть ли не «золотого века» России. При этом полностью игнорируется весь советский период, из которого вышло нынешнее российское общество и его элиты. На период СССР и «провальные» 1990-е годы в тестах и речах российских политиков XXI века наложено стыдливое и молчаливое табу.

Из современных российских интеллектуалов, в том числе обслуживающих политический истеблишмент, также не выросло символических авторитетов, на которые власть готова сослаться. Исторические и зарубежные авторитеты обладают в дискурсе российской власти гораздо большим символическим капиталом и состоятельностью. Что само по себе может рассматриваться как признак духовного нездоровья правящей элиты, не доверяющей собственным интеллектуалам и обществоведам в области диагностики и прогностики современного российского общества. И в то же время утверждающей об «аутентичности» России, ее уникальном «менталитете», «идентичности», требующих особых подходов.

С другой стороны, как обоснованно замечает Владислав Сурков: «Отметим с сожалением в скобках, что среди популярных футурологических брендов последних десятилетий - «постиндустриальное общество», «конец истории», «плоский мир», «цивилизация третьей войны» и проч. — нет ни одного российского происхождения».¹⁰

Постсоветская политическая элита испытывает острый дефицит современных ей отечественных моральных авторитетов. С одной стороны, идейно и символически обанкротились мэтры советского обществознания, зачинщики перестройки, антикоммунисты, диссиденты и младолибералы горбачевско-ельцинского периода. Этот период слабости России, попыток жить по чужим рецептам российские власти пытаются как можно быстрее забыть. С другой стороны, постсоветская элита «капиталистических плохишей» видимо стесняется советских авторитетов или просто боится их цитировать в силу все возрастающей актуальности по мере «капитализации» социума и общественных отношений в России. В результате возникает

символический вакуум российской истории. Постсоветский период «до Путина» дискредитирован в общественном мнении. Советский период стянулся до одного легального события Великой Отечественной Войны. Досоветская история практически утратила связь с современностью. Это доказывают попытки введения новых праздников, путем сомнительной замены Великой Октябрьской революции (7 ноября) на «День Сусанина» (4 ноября). Но символически объединить советский, до- и пост-советские периоды в единую версию российской истории у нынешней правящей элиты не получается. Соответственно моральные авторитеты, привлекаемые для легитимации политической современности России, зачастую оказываются периферийны и маргинальны (интеллектуальные эмигранты - Бердяев, Ильин.), либо символически «раскручены» именно благодаря Западу (такие диссиденты как Солженицын, Бродский), либо являются «западными экспертами», продвигающими западные же ценности в качестве универсальных (Фукуяма, Белл, Качинс, Фридман и др.).

Между тем, за рамками основополагающих политических текстов остается основной пласт реальных деятелей российской истории (Д.Донской, Иван III, Александр II), ученых (М.Ломоносов, Н.Пирогов, Д.Менделеев, И.Мечников, Н.Кондратьев, А.Чаянов, И.Павлов, М.Лобачевский, В.Леонтьев и др.), конструкторов (А.Попов, В.Зворыкин, П.Яблочков, М.Калашников, А.Сахаров, С.Королев и др.), писателей (только из советского периода -М.Горький, М.Шолохов, В.Астафьев, В.Распутин и др.), обладающих реальным легитимирующим потенциалом, но избегаемых в силу разных причин идеологически «ограниченным» политическим истеблишментом.

Тем не менее, отсутствие легитимной для всего российского общества версии истории и иерархии авторитетов как в период СССР не означает, что проблема социальной интеграции расколотого общества и обеспечения «общего блага» не волнует отечественную элиту. Хотя бы потому, что прямо связана с легитимностью властных элит, крупной собственности и стабильностью политического режима в целом.

Основная проблема видится в том, что в российской политике сформировался фундаментально неустойчивый, но тем не менее работающий дискурс «нормального общества потребления». Дискурс, который базируется на обманчиво самоочевидных аксиомах здравого смысла и не нуждается в отсылках к трансцендентному, то есть истории, морали, идеологиям. Споры в нем ведутся лишь о справедливости распределения потребления внутри общества. Кому и сколько дозволено потреблять. Однако легитимность подобного положения дел, не опирающегося ни на интегрирующую общество версию истории, ни на идеологические построения Модерна, ни на проекты и образы будущего, ни на преемственность символов и авторитетов, но лишь на «вечное настоящее» весьма шаткая.

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 23 февраля 1996 года // http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslaniej3rezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_ros-sija_zakotoruju_my_v_otvete_1996_god.html

2. См.: Лавров С. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. 2007, № 2.

3. См.: http://moscow.usembassy.gov/embassy/transcripttr.php?record_id=173

4. См.: http://www.usembassy.ru/embassy/print_transcriptr.php?record_id=146

5. См.: http://www.usembassy.ru/embassy/print_transcript.php?record_id=146

6. См.: Программа партии «Справедливая Россия» // <http://www.spravedlivo.ru/about/documents/>

7. См.: Программа партии КПРФ // <http://www.kprf.ru/party/program/>

8. См.: Партийная программа ЛДПР // <http://ldpr.ru/ldpr/programm/>

9. См.: Партийная программа СПС // <http://sps.ra/?id=214522>

10. Сурков В. Русская политическая культура // Стратегия России. 2007. №7

Е. Г. Дьякова

«ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО» С ПОЗИЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА: КТО ЯВЛЯЕТСЯ НОСИТЕЛЕМ РИТОРИКИ ТРЕБОВАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА?

Дьякова
Елена Григорьевна

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник
ИфиП УрО РАН, руководитель
Рабочей группы по развитию
информационного общества в
России Общественной палаты
РФ.

Теория конструирования социальных проблем исходит из того, что они являются не объективно существующими социальными дисфункциями, которые приводят общество в неравновесное состояние (как трактует их функционализм), и тем более не проявлением и следствием классовых и иных социальных противоречий (подход, характерный для марксистской социологии), а результатом борьбы за право субъективного определения социальных условий как проблемных. Основоположники конструкционистского подхода М. Спектор и Дж. Китсьюз определяли социальные проблемы как «деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий». Ключевым в данном определении является понятие «утверждений-требований», т.е. риторики требовательного характера в публичном пространстве. Вопрос о том, существует ли условие, относительно которого выдвигаются требования, в разных направлениях конструкционизма решается по-разному. С точки зрения феноменологического конструкционизма он должен быть «заклучен за скобки» и подвергнут редукции, чтобы избежать риска соскальзывания в объективизм и эссенциализм. С точки зрения контекстуальной версии конструкционизма, необходим анализ социального контекста возникновения риторики требовательного характера, при четком осознании того, что она не сводима к этому контексту.

Конструкционистский подход в обоих его версиях помещает в центр внимания вопрос о том, кто является субъектом конструирования проблемы, т.е. чьи утверждения-требования превращают ее в предмет общественного внимания. Согласно классической модели, конструирование социальной проблемы начинается с того, что некая группа (группы) заявляют, что некое существующее условия является вредным, оскорбительным и нежелательным и пытаются сделать его предметом общественного внимания. Затем происходит легитимация данной группы со стороны официальных институтов, что предполагает некую

официальную реакцию и поиски путей решения проблемы, и может породить новый цикл, связанный с недовольством представителей группы-инициатора бюрократическим подходом к решению проблемы, и даже отказ группы от участия в деятельности официальной организации и разворачивание параллельных институтов решения проблемы.

Следует учесть, что конструирование социальных проблем происходит в условиях жесткой конкуренции за доступ к публичному пространству. Как сформулировано в теории публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска, общественное внимание и пропускная способность СМИ являются ограниченными ресурсами, и поэтому далеко не все утверждения-требования доходят до стадии легитимации и превращаются в «реальные» социальные проблемы.

Особый интерес с точки зрения социального конструкционизма представляет собой процесс появления новых, нетрадиционных социальных проблем. Как показал Д. Лозик, ни одна проблема не может быть сконструирована как абсолютно новая, так как «совершенно новые утверждения-требования могут быть безуспешными, если аудитория не обладает категориями, позволяющими их понять». Поэтому при выдвижении новой проблемы используются две основных дискурсивных стратегии: конструирование ее как частного случая или следствия уже существующей проблемы, или расширение содержания категории, обозначающей уже известную социальную проблему, чтобы включить в нее новые утверждения-требования.

Проблема «информационного неравенства», или, в более жесткой риторической формулировке «цифрового раскола», относится к числу новых социальных проблем. Под «информационным неравенством» понимается неравенство в доступе к современным информационно-коммуникационным технологиям. Оно рассматривается как проявление и частный случай социального неравенства, поскольку «пораженными в информационных правах» оказываются прежде всего социальные низы, в том расширительном толковании, какое дает этому понятию постмарксистская социология (где акцент делается не на традиционном классовом неравенстве, а на сексизме, расизме, эйджизме и т.п.). В связи с этим логично было бы предложить, что субъектом утверждений-требований об информационном неравенстве являются некие институты гражданского общества, которым удалось пройти стадию легитимации, а сама она формулируется в рамках традиционной левой «риторики равенства».

Однако это не так. На самом деле понятие «цифровой раскол», было сформулировано в 1996 году вице-президентом Соединенных Штатов Америки А. Гором в так называемом